

Лит. Россия
1979, № 20 апр.Андре
МОРУА

Дюма —

В 1858 году Александр Дюма-отец приехал в Россию. Он знакомился с русскими городами, русской культурой и народной жизнью. По возвращении А. Дюма опубликовал книгу путевых записок «Из Парижа в Астрахань» (отрывки из нее в феврале 1971 года публиковала «Литературная Россия»). В книге были ошибки, неточности, но вся она проникнута чувством искренней симпатии к русскому народу.

В прошлом году в Женеве вышло полное издание этих записок. Предисловие к нему написал А. Моруа. Предисловие это смело можно назвать самостоятельным литературным произведением, своего рода эссе. Сегодня «Литературная Россия» предлагает его вниманию читателей.

ВТЕ ВРЕМЕНА, когда Александр Дюма один, заполнял целые журналы своими романами, воспоминаниями и впечатлениями о путешествиях, Ламартин ему написал: «Вы спрашиваете, что я думаю о Вашем журнале. Я берусь судить о делах человеческих, но не о чудесах. Вы — сверхчеловек! Мое мнение — это знак восхищения! Когда-то пытались изобрести вечный двигатель. Вы добились большего: Вы, открыли Вечное изумление».

Вечное изумление... Изумление, которое охватывает читателя при виде этого неиссякаемого вдохновения, бурного каскада, наполняющего целые тома, как другие наполняют страницы... Какую бы страну он ни посетил, он не перестает восхищаться жизнью, о которой рассказывает. Подобно фокуснику, он радостно возвращается о том, что сейчас должно произойти. «Вы увидите то, что вы увидите», — как бы говорит он и не разочаровывает никогда. Малейшая занимательная история, обработанная им, становится достойной «Тысячи и одной ночи».

Всюду у него тайна, интрига. Директора журналов знали, что все, что выходит из-под его пера, обладает волшебной силой привлекать читателей и заставлять их из номера в номер следить за продолжением. Вот почему они оспаривали друг у друга право его печатать. Каким образом он умел этого достичь? Я полагаю, тем, что, развлекая, он развлекался сам, оживляя каждую сцену, он вдохновлялся сам. И прежде всего он был прирожденным рассказчиком. Встреча с русскими, дотоле ему неведомыми, которые будут сопровождать его в путешествии, звучит у него с первых же слов как начало романа: «Если под конец зимы вы пройдетесь по Дворцовой площади от полуночи до четырех часов утра, вы увидите зрелице, которое повергло бы в изумление наших кучеров фиакров и подметальщиков...». Вы захвачены, вы вовлечены в действие. И так мы с вами проделаем путь в три тысячи лье в течение полугода, ни на одну минуту не изведав скучи. Дюма — драматург в еще большей степени, чем романист. Как только он создает свои персонажи, он заставляет их вступить в разговор. Это диалог театра, блестящий, полный неожиданностей, все нарастающий, реплики скрещиваются, как шпаги. Попутно он набрасывает

сотни драматических историй. Перед нами проходит история Романовых, Нарышкиных, Пушкина, Меньшикова... Впечатления от путешествия? Да, конечно, но прежде всего это путешествие сквозь историю, а еще вернее — сквозь Дюма, так как любой след для него хороший, чтобы устремиться по нему, повинувшись своему бурному воображению.

Описание его спутников, рассказ об их прошлой жизни занимают у него шестьдесят страниц, история Романовых — двести или триста. Он переводит то Пушкина, то финские саги.

Что для него это значило? Всю жизнь он гнал строку за строкой, чтобы наполнить целые тома. Он изобрел Гримо — немого слугу мушкетера, что позволяло ему делать строку из одного слова. Отступления никогда его не смущали: ведь чем их больше, тем и книга толще. Что же касается переходов, то и тут не было затруднений. Ему ничего не стоило после сотни страниц, посвященных истории, биографии, кухне или автобиографии, сказать: «Вернемся к Москве». Фокус разыгран.

Сочинители эпиграмм посмеивались над таким своеобразием:

*Чужие страны рисовать
Дюма такой великий мастер,
Что рад читатель, если,
к счастью,
Он покидает нас опять.*

На самом же деле читающая публика оставалась ему верна. В сущности, каждый думал то, что сказал о своем отце Дюма-младший: «Он таков, каков он есть. Вот так и распознают истинно гениальных людей».

Среди своих театральных увлечений и всевозможных событий Дюма прогуливается с не-принужденностью знаменитости. И церемонная История в часы благодушного настроения друзески похлопывает его по плечу: «Уж этот милый Дюма!»

А. Дюма в одежде горца.
Тифлис. 1858 г.

Почему он выбрал Россию? Он был более чем прав. Прежде всего уже после его первонаучальных успехов его начали переводить на русский язык. Великий актер Карагыгин и его жена играли во всех его драмах, начиная с «Двора Генриха III» и кончая «Антонием» и «Кином». Дюма, обожавший всяческие ордена, уже рассчитывал на Святого Станислава. Но император Николай I не выносил романтических драм, и в особенности — мятежных героев. В прекрасном ордене, который так великолепно украсил бы широкую грудь писателя, ему было отказано, и Карагыгина отсоветовали Дюма появляться в России. Царь принял его очень плохо.

В 1858 году царствовал Александр II, и препятствия были устранены. Кроме того, сын Дю-

ма увлекался последовательно двумя русскими дамами из высшего общества: графиней Несельроде и княгиней Нарышкиной. Эти «связи», естественно, увеличивали живую тягу Дюма к русским. Добавьте к этому, что русская чета, с которой Дюма повстречался в Пале-Рояль, — граф и графина Кушелевы-Безбородко, пышностью образа своей жизни напоминала ему великолепие Монте-Кристо. Когда супруги пригласили Дюма сопровождать их в Петербург, он отвечал, что Петербурга ему мало, что он желал бы побывать в Москве, и в Нижнем Новгороде, и в Казани, и в Севастополе, а вернуться домой по Дунаю — «Чудесно», — отвечала графиня, — у меня поместье близ Москвы, а у графа земли в Нижнем и рыбные ловли на Каспии. Через каждые двести лье в вашем распоряжении будет временное жилище. Этого оказалось достаточно, чтобы вскружить голову путешественнику, который всегда был связан с Парижем разве лишь волоском, да и то женским. Поразмышляв минуту-две, он отвечал: «Решено, графиня, я еду с вами».

Он об этом не пожалел. Читатель пожалеет еще меньше. Конечно, многие описания (прибытие в Петербург, ярмарка в Нижнем) блестящи, однако от Дюма нельзя требовать того, что он называл «пластическим повествованием» Теофиля Готье. Последний создавал точные и в то же время лирические описания дворцов, пейзажей и картин. Для Дюма памятники архитектуры служат лишь предлогом, чтобы рассказать о связанных с ними удивительных событиях. Он идет скорее от рассказа к рассказу, чем от города к городу. Старый товарищ-француз, повстречавшийся ему в России, интересует его не меньше, чем царь, и вызывает у него воспоминания, не имеющие ничего общего с путешествием. В Москве его подруга Женни Фалькон, сумевшая завлечь в свои любовные сети Нарышкина, занимает его больше, чем дворцы и соборы Кремля. Его самое сильное впечатление от пребывания в Финляндии — игумен монастыря, читавший его книги. В его глазах самые интересные вещи те, которые были «свидетелями».

Самобытный историк-поэт, он различает в камне стена и в мебели невидимые следы тех событий, для которых эти вещи послужили обрамлением. Ему нравится замок, населенный историческими призраками. Он гораздо больше похож на Юго-путешественника, чем на Теофиля Готье. Но Готю в своем «Рейне», охотно рассказывая прекрасные легенды, в то же время со знанием дела рассуждает о социальных аспектах тех стран, через которые он проезжает. Дюма в значительно большей мере беспечен и беспорядочен. Он существует с расстегнутыми воротом и жилетом, со сбившимся галстуком, падкий до осетрины и женщин, в поисках мелкого происшествия, из которого он мог бы создать эпическое приключение.

Но к чему нам сравнивать его с другими писателями-путешественниками? Его очарование как раз в том и состоит, что Дюма — всегда Дюма, ничего, кроме Дюма. Все, что мы можем ожидать, — это немного России и много Дюма. И вот перед нами книга, жизнерадостная, гармоничная, полная историй и даже историй.

С французского.
Перевод М. ГОРДОНА